

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

В.А. Кутырев

ВЕЛИЧИ(НА)Е И КОВАРСТВО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕИ ГУССЕРЛЯ (философско-исторические предпосылки информационного когнитивизма)

Аннотация: трансцендентальная феноменология Гуссерля рассматривается как предвидение информационной революции. В ней предложены понятия, которые по своему внутреннему смыслу были философско-спекулятивными аналогами структурного и когнитивно-коммуникационного теоретизирования. Это исток, «начало» отрицания современной технонаукой реальности феноменального (макро) мира.

Ключевые слова: философия, Гуссерль, феноменология, ноэма, информация, агент, коммуникация, бытие, ничто, онтология.

Название программной феноменологической статьи Э. Гуссерля «Philosophy als strenge Wissenschaft» (Logos, 1910) на русский язык перевели: «Философия как строгая наука». Это не строгий, а буквальный перевод, а может быть и нестрогий оригинал. Слово «строгий» — не научное, метафорическое. Более точно было бы, по-видимому: «Философия как точная наука». «Точная» — значит, избавленная от качественных характеристик, непосредственно чувственных данных, ценностных и любых внешних по отношению к знанию параметров. Точная — значит, чистая, количественная, формализуемая, поддающаяся математизации. Точная — значит когнитивная. Голубая мечта настоящих, последовательных, абстрактных, особенно кабинетных, теперь компьютерных, теоретиков¹.

¹ Все мы движемся «к точке». От тычки. (Тычинки и пестики, мужское и женское — тыч и песта. Это старое славянское название органов продолжения жизни. Отсюда негативно-двусмысленное отношение к «тыканию»). С одной стороны: «ты» как выражение близости, неформальности отношений, а с другой, «ты меня не тыкай»: «Эй, ты, недотыканный», см., например, рассказ Г. Успенского «Недотыкомка»).

Тычка в виде палки, о-паленой ветки обозначала границу земельного участка и любого пространства. Его конец, ничто. Как у греков камни = термы для тех же целей. В культуре, на письме тычка превратилась в точку, обозначающую границы, конец предложения. А с греческого — в термин, однозначное понятие. Точное знание = чисто знаковое = чисто термино-

В настоящее время, по мере перехода науки от натурализма и эмпиризма к теоретизму и конструктивизму, новых достижений в развитии математики, особенно машинной, дигитальной, и вступлении позитивистской философии в «технологическую стадию», эта мечта стала казаться близкой к осуществлению. Когнитивизм — вот знамя, под которым развивается наука в XXI в. и ориентирующаяся на нее философия. Когнитивизм стал идеалом науки в информационно-техническом мире и соответствующей ему/ей научно-технологической «философии», если ее в таком случае можно считать философией. (Как считать «гуманизмом» гуманитарные технологии).

Богиня справедливости с весами и завязанными глазами требует сказать, что когда-то он уже был достигнут. В начале XX в. его фактически осуществили неокантианцы. Для этого они сделали главное: отбросили кантовскую вещь-в-себе, всякое означаемое, природу и Бога как ненужную для математического естествознания, на которое ориентировались. Импульсы к познанию дает не бытие, не сущее, не внешний мир, а сама чистая, беспредпосылочная, ау(тен)тичная мысль. Она есть субстанция без субстрата, а если феномен, то су-тубо логический, хотя в таких онтических терминах

логическое = полностью формализованное = когнитивное = конечное = небытийное знание.

П. Наторп и Г. Коген ее не квалифицировали. Инерционно говоря о естествознании, по сути своей они были предтечами математического, информационно-дигитального моделирования мира, то есть первыми когнитивистами. Отбросив вещь-в-себе, то есть природу, жизнь, Бога, забыв про бытие и феномены, им пришлось провести на человеке операцию отсечения головы от тела. Взяли/оставили себе только голову и даже без органов восприятия — один мозг. Да и он бессубъектный, в формалине, «в банке» — без психики. Ключевая для Канта задача трансцендентального синтеза чувственности и рассудка превратилась у них в сугубо формальную, логическую. Без лишних антимоний они отбросили возникающие при этом и считавшиеся Кантом неустранимыми противоречия, антиномии. Вернее, считали их решение делом времени и логической техники. Что касается оставшегося обезглавленного трупа (бытия), то о том, куда его девать, они не считали нужным заботиться и он все время был тяжелой уликой против неокантианства. Однако в целом, очень, очень многое из того, что сейчас обсуждается в русле когнитивизма, было изучено и обосновано ими. А также Вюрцбургской школой психологии, особенно О. Кюльпе. К сожалению, в современной научной философии это не учитывается, происходит очередное «начало с нуля», что не позволяет видеть проблемы, которые уже давали знать о себе тогда, однако маскируемые безбытийной стройностью и формальной чистотой любой формы когнитивизма, остаются непреодоленными до сих пор. Потому что в рамках когнитивизма они не могут быть преодолены в принципе. Во что не (по)верил и взялся за их решение самый выдающийся последователь Канта, но не неокантианец, а *Кант в XX в.* — Эдмунд Гуссерль.

Перед Гуссерлем встала задача: учесть, отразить, выразить в познании бытие вещей, не оставляя их «в-себе», тем более не отбрасывая, но и не нарушая чистоты познания. Соединить лед холодного рационального сознания с энергией живого бытия так, чтобы он(о) у(вы)держало его высокую температуру. Как магнитное поле плазму. Кант гносеолог(ист), Гуссерль — *онтологический Кант*. Как ему так удалось? Для этого надо было по-новому посмотреть на сознание и увидеть, что по самой своей сути оно обладает свойством включать в себя бытие. Что оно интенционально — направлено на мир, вбирает его в себя. Оно всегда о чем-то, ибо мы не можем не осознавать какое-то нечто. Как глаз не может не смотреть, ухо не слушать, нос не нюхать, если они действуют, так сознание не может не воспроизводить, не не-

сти в себе мир. Так мир попался в сети сознания/мышления, перестав быть вещью-в-себе, но и не загрязняя его, ибо он лишен своей субстратности. Он представлен как взаимодействие отношений, т.е. «в материале сознания». Фактически это означало, что Гуссерль в спекулятивно-философской форме предвидел и вслед за Ф. Brentano подошел к идеям будущего структурализма (Ф. де Соссюр, А. Богданов), однако более фундировано, или даже подошел к идее, можно сказать теории, информации. На которые неявно стал опираться во всех дальнейших решениях встававших перед ним проблем, в любых своих представлениях об устройстве мира. К теории, которая параллельно (общие тенденции развития сознания) к тому времени зарождалась и начала разворачиваться на собственной базе — внутри науки, особенно математике, приведя, спустя 50 лет, к информационной революции, а в контексте судьбы человечества — к «революции миров».

Информация — это ответ на многие принципиальные вопросы, поставленные еще Кантом в его усилиях объяснить взаимодействие чувственности и рассудка, природу синтетических суждений, трансцендентальной апперцепции и т.д. Гуссерль, хотя как таковое это понятие не фиксировал, но пользуясь им по сути и смыслу, продвинулся в решении застарелых философских проблем гораздо дальше. Базисным для теории информации является положение, что качественно разнообразные феномены и относящиеся к ним сообщения, могут быть выражены на общем языке и количественно измерены. С помощью такой количественной меры можно сравнивать любые явления бытия, независимо от формы, в которую они облечены. Информация универсальна и аподиктична. Это меновые «деньги Духа», к которым сводятся и в которых измеряются все его потребительные стоимости. Она позволяет подойти к миру с единой точки зрения, создать его целостную теоретическую модель. Содержательную, и одновременно чистую, строгую, точную, счетную — формализуемую. И когда теперь, имея перед собой столь мощный и весьма разработанный аппарат как теорию информации, рассматривают философскую кантовско-гуссерлевскую проблематику так, будто его/ее нет, это, по меньшей мере, малопродуктивно, а по большей — интересно лишь узкой корпорации специалистов по истории философии, «кантоведам» и «гуссерлеведам». Между тем как она «постсовременна»².

² Здесь нас подстерегает страшная опасность. Модернизации и антиисторизма, жертвой которых обычно являются энтузиасты «всего нового, прогрессивного». И тогда первобытные охотники гонялись в лесу не за мясом, а за инфор-

Но прежде чем погрузиться в обоснование актуальности Гуссерля для когнитизирующейся на базе информации науки, нам опять придется посчитаться с Богиней справедливости, которая, кроме весов и повязки, держит в руках меч. В таком опасном (для новых конъюнктурщиков, хотя конъюнктурщики всегда новые)) вооружении она требует видеть, что проблема взаимодействия чувственного и рационального, вещи-в-себе и трансцендентального разума решалась посредством приближения к теории информации также и с другой стороны — от субстратов и вещей-в-себе, в материализме. В диалектическом материализме Нового времени, особенно в «ленинской теории отражения» (работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», изданная в 1909 г.) развивалась идея, что вся материя обладает специфическим свойством — отражения. Любая вещь, помимо качеств, обусловленных собственной природой, несет на себе следы воздействия другой. Она запечатлевает на себе, передает, «сообщает» качества этой другой вещи, становясь тем самым ее представителем, образом или знаком. Переставая быть собой, она, говоря современным языком, превращается в носителя информации. Становится информацией. Как изменяются формы материи, так историчны и способы отражения, передачи информации. Высшее свойство отражения, наиболее совершенный известный нам способ информационного моделирования вещей-в-себе, выводящее их из себя и превращающее в вещи-для-нас — сознание человека. Эволюционная теория отражения материи, оставления вещами следов (trase) друг на/в друге, в пределе — в/на сознании и аксиоматическая теория интенциональности, направленности на/в что-то сознания — это два способа приближения к теории информации. «Отражение» больше связано с естественными науками, физиологией и психологией, «интенциональность» продуцировалась и обусловлена развитием логики и математики. Теория информации снимает оба этих, идущих снизу и сверху потока деонтологизации мира и онтологизируясь сама, ставит вопрос о взаимодействии новой порождаемой ею «второй реальности», ее инобытия с феноменологическим бытием мира людей. Вопрос, который превращается в роковой. Он драматически обострился после

возникновения виртуалистики и нанотехнологий, фактически поставив под вопрос существование собственно человеческой реальности. Но чтобы понять, как к этому все (при)шло, надо вернуться к сложно-поучительному философствованию Гуссерля, и в свете опыта новой эпохи попытаться глубже понять его феноменологическую идею, оценить ее величи(ну)е и объективный исторический смысл.

Решая поставленную Кантом задачу достижения аподиктического=общезначимого=универсального знания, то есть создания строгой=точной=когнитивной философии, Гуссерль, первоначально поступает вопреки Канту. Как антикантианец. Отказывается от его главного принципа разделения априорного и апостериорного знания, отделения сознания от вещей-в-себе. И призывает возвратиться к «самим вещам». При том даже не к вещам-субстанциям с их первичными качествами, а вещам-феноменам, во всей их полноте, то есть к бытию. Благодаря интенциональности, он снимает антитезу априоризма-апостериоризма, синтезируя кантианство и линию Беркли-Юма, а заодно решает и проблему декартовского дуализма, соединяя протяженные «по определению» вещи и непротяженное «по определению» мышление. Феноменам сознания придается вещьность, предметность, фактичность, а вещам — сознательность, мысленность, сущность. Сознание и бытие — одно целое. Традиционная априорно-апостериорная, чувственно-рациональная, материально-идеальная, субъектно-объектная оппозиция устраняется. Устраняется? Да, но... как бы. Именно как бы: только логически. Речь идет не о материальных (пространственных, «протяженных») вещах, а о «вещах сознания», «фактах мысли». Призывая возвратиться «к самим вещам», он отказывается от «естественной установки», имея в виду (вот западня для любой чувственной реальности) *мысленные вещи — нозмы*. Возвратиться к самим вещам как «к самим нозмам». Предметный момент/единица сознания — нозма (от греч. — мысль, сущность, форма). К вещам непротяженным и бессубстратным, неподвластным пространству и времени. Стул, дом, могут сломаться, рухнуть или сгореть, человек умереть, но не их смысл, нозма, сущность, структура, форма. Они останутся. Мыслеформы = *информация о (от, после) них — останется*.

Итак, «вещи сознания» — вот ключевое изобретение Гуссерля, позволившее ему решить проблему соотношения чувственного и мысленного, перенеся ее на трансцендентальный уровень синтеза единичного и общего, реализма и номинализма (если гово-

мацией, в виртуальную реальность первыми вышли древние китайцы или Василий Великий в Византии, Бог же, естественно, был Верховным Программистом. Пройти между Сциллой узко академического, отраслевого интернализма и Харибдой пошлого, поверхностного презентизма — вот условие продуктивного философствования.

рять в терминах средневековой философии). Вещи сознания = вещи мысли = мысленные вещи = тела мысли = мысленные (состоящие из мысли!) тела. «Тела» = (не)тела = ноэмы. Но это не знаки, где-то находящихся тел, а *сами (не)тела*. Тела без плоти, «без трупов», «без корпуса». Теперь по-современному: вещь и тело как мысль, как ноэма — это *информация о вещи/телах*. В отличие от идей-эйдосов Платона она не образ, так как «без психологии» и не форма Аристотеля, так как не предполагает матери(и)ала. В/на место вещей — пересечения, узлы отношений, «биты». На/вместо бытия вещей, их предметной реальности — информационная реальность. В Универсуме информации бытие предстает как мыс(ш)ление и мы(с)шление как бытие. Гуссерль открыл, подошел, спекулятивно очертил контуры теории информации. Контуры другого, невиданного (понятие «информация» появляется в энциклопедиях во второй половине XX в.) мира. В этом его величайшая заслуга, которую, правда, до сих пор не оценивают. Почтение у философов к Гуссерлю всеобщее, но историческое, а почему и за что, не особенно ясно, просто за «сложность и непонятность». Наверное, все-таки из-за смутного понимания, что сущностно/фактически мы живем теперь в «мире Гуссерля», мире ноэм и миллионы людей, преодолевая «естественную установку», заняты «феноменологической редукцией», «ноэзисом», тем, что переводят вещи в информационное состояние. Делают вещи-в-себе сущностями как вещами-в-сознании, единицами значения и смыслов. Вещами сознания. Мыслеформами, виртуалами, концептами, персона(жа)ми, сингулярностями. Симулякрами. И все это на практике. Если традиционный идеализм, считая физический мир воплощением идей, редуцировал его к феноменам, а в виде субъективного идеализма, либо неокантианства — к ничто, если традиционный материализм, считая идеальное отражением материи (вещей-в-себе), редуцировал его к феноменам, а в виде современного «научного материализма», либо функционализма — к ничто, то трансцендентальная феноменология за(под)меняет те и другие феномены и даже ничто — новой реальностью, своеобразной феномен-субстанцией. Считает феномены/ничто вещами-сущностями, фактами-идеями. Она повышает их статус до бытия. Это, однако, бытие иного, второго (порядка) мира. И на наших глазах, данный второй мир становится первым, а первый, как материальный, так и идеальный, вообще, трансцендентный — вторым. Стоит всеобщий крик, что «произошла великая информационная революция», что «мы живем в информационном мире» и «всту-

пили в информационное общество». И это, ура/увы, сущая, субстанциально-феноменологическая, (*ино*) *бытийная правда*.

Ноэмы — ноо, нус, ноу-менальный, ментальный мир, всегда противопоставлялся феноменальному. Особенность и коварство гуссерлевской онтологии в том, что ноумены в ней определяются как феномены. Или, сказать по-другому, феномены приобретают статус ноуменов. Умопостигаемые вещи выдаются за действительные, искусственное за естественное. Чувственный, феноменальный, то есть предметный мир возгоняется в ноуменальный, другим словом, трансцендентальный и выдается за феноменальный, а «старого» феноменального мира сущего — больше нет. Он не нужен ни как субстанция, ни как феномен. Также происходит и с идеями-образами, со всей «психологией». Ноуменологическая = ноэмологическая редукция представляется и называется феноменологической, полностью исчерпывая собой сущее. «Созерцание созерцает *сущность* как *сущностное бытие* и не созерцает и не полагает ни в каком смысле существование»³. Трансцендентальное предстает как реальное, т.е. иное, чистое, вне(пост)человеческое, как будто бы «наше». А вторичными, не обладающими собственным бытием-существованием феноменами оказываются не только «вторичные качества», связанные с субъективностью восприятия, но и все, что считалось предметным, субстанцией, в том числе и кантовское созерцание пространства-времени. Вся субстратная физическая Вселенная! Она, первый мир поглощается вторым, что на практике пока только происходит. Пока признается два мира, а у Гуссерля уже был один, выдаваемый за единый, единственный и истинный. За единственно истинный. Универсальный и вечный. Как структуры в структурализме, как информация в информатизме. *Феноменологическая идея — это структурно-функционально-информационная идея*.

В первой трети XX в. она носилась в воздухе, так или иначе, улавливаясь разными направлениями знания. В социально-гуманитарном знании преимущественно в виде структурализма, структурно-функциональной методологии, в естественно-математических науках как разнообразные теории информации, организации и управления. Вместо вещей — системы (эмпирический уровень сложности) и структуры (теоретический уровень сложности). Начинаясь век «ноэм» как единиц структуры — кибернетики, генетики, информатики.

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 214.

В любом качестве это была реальность отношений, переход от тождества к различию, от субстратности и субстанциализма к ф(и)ункциализму и потенциализму, когда «сначала полет, а потом птица», сначала функция, число и действие, а потом вещь, предмет и результат. *Все сущее — суть количество.* Таков идеал (по)достижения бытия, заявленный наукой в XX в. Это было начало становления ноотехносферы, проектно-конструктивистской парадигмы и практики производства искусственного мира, вплоть до искусственной (наконец-то, *бытийно чистой!*) ментальности. Феноменологическая идея философии как строгой науки — ее/его еще очень нестрогое спекулятивно-философское предчувствие и вы(от)ражение.

Принято считать, что «поздний» Гуссерль отказался от задачи построения универсальной, точной, математизированной философии. Идея «жизненного мира» — своего рода признание невозможности осуществления идеи трансцендентализма и возвращение к естественной установке, к признанию вещей-в-себе. Думается, что дело обстоит сложнее. Происшедшее в этот период смещение его интереса к проблеме интерсубъективности сознания было вполне последовательным движением «вслед» за сдвигами в развитии науки. Ответ на старый философский вопрос: как совместить объективную аподиктичность знания и единичную субъективность человеческого сознания, не впадая в солипсизм и не опираясь на внезапные предпосылки, он искал на новом, «постметафизическом» пути. Но поскольку опережал свое время, то методом проб и ошибок, порой мучительно, рас(пере)сматривая почти все великие рационалистические течения. Отказавшись от помощи Бога, к которой прибегли Декарт и Беркли, от «практического разума», к которому вынужден был обратиться Кант, от «материального единства мира», из которого фактически исходили все ученые-натуралисты, от «общественной практики» марксистов, (о) которой не знал, а если бы знал, то вряд ли принял, он обратился... к монадологии Лейбница.

В контексте нашей трактовки исторического смысла трансцендентальной феноменологии это представляется вполне логичным. Оправданным и естественным. Лейбниц — философ-математик, изобретатель дифференциального исчисления, автор первых опытов по созданию цифровых машин. Историю computer science отсчитывают от Лейбница, онтология которого представляет мир в виде множества монад. Монады — простые, непространственные, бестелесные субстанции. Они неделимы, закрыты, не имеют «окон», «лишенные души». Все это близко

напоминает ноуменальные сущности, феноменологические единицы, ноэмы, разработанные для философии как строгой науки. А в 30-е гг. Гуссерль прямо начинает трактовать свою феноменологию как трансцендентальную монадологию, становится «лейбницианцем»⁴. Как и у Лейбница, перед ним возникает роковая проблема связи подобных замкнутых на себя, изолированных друг от друга элементов реальности. Каким образом они взаимодействуют и как в таком случае конституировать единый, универсальный, общий им мир? Лейбниц нашел выход в постулировании предустановленной гармонии, своего рода пережиток апелляции к Богу. Гуссерль не хочет, да и не может обосновывать единство мира Богом, как потому что живет в XX в., так и потому, что тут вновь появляется внезапный фактор, «нечистота». Вместо этого он постулирует или допускает возможность некоего «интенционального переплетения» монад, когда сознание каждой монады направлено на все остальные и тем самым несет их в себе. В результате между ними возникает универсальная взаимосвязь. Своеобразное множество в единстве, функционирующая целостность.

Решение найдено? Почти, если его немного укрепить. Для этого постулируется существование специфической *Перво-монады*, которая задает тип и способы, направляет, запускает процесс такого переплетения. Взаимодействие «оживает», переплетение начинает функционировать. Здесь любой историк философии может сказать, что перво-монада напоминает старинное метафизическое «архе», творящую субстанцию и эволюционизм, которые опять угрожают трансцендентальной феноменологии нарушением ее теоретическо-ноуменологической строгости. Если, однако, бросить взгляд не назад, в прошлое, а вперед, в настоящее/будущее, то эта ретроспективная монадология начинает напоминать что-то более чем перспективное...

⁴ В рассмотрении идей позднего Гуссерля мы опираемся не столько на его оригинальные тексты, сколько на их исследование в гуссерлеведении. Потому что нам важны не теоретические тонкости, а принципиальные идеи. Для чего, в конце концов, существуют знатоки Гуссерля, зачем они работают? Надо пользоваться их трудами. Кроме своего рода классиков гуссерлеведения, Н.В. Мотрошиловой, В.И. Молчанова, Слинниной А.Я., Чернякова А.Г., по данному вопросу это, прежде всего: Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. М., 1994; Борисов Е.В. Проблема интерсубъективности в феноменологии Гуссерля // Логос. 1999. № 1; Савин Э.А. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля // Вопросы философии. 2009. № 8; Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009.

В конце концов, не имея убедительного подтверждения своего монадологического разворота и чувствуя его известную произвольность, а главное, под нажимом сугубо нетеоретического «духа времени» (Zeigeist нацистской Германии 30-х гг.), он действительно изменяет идею строгой деонтологизированной науки и «впадает» в то, что все время преодолевал, с чем боролся. Он обращается к вне(до)рациональным предпосылкам, к «жизненному миру» и говоря о «домашнем мире» (Heimwelt), как его конкретизации, вспоминает о традициях, важности места рождения, территориально понятой собственной стране (Heimland), различии «других наших» и «других чужих». Пока сам не оказался чужим. Обосновывая необходимость вживания в домашний мир, он призывает это сделать, чтобы «стать личностью в полном смысле слова». Пока сам не перестал быть полноценной личностью в глазах «других наших». И т.п. в духе отказа от чистой науки и приспособления к нечистой политике. (Не забудем, что Хайдеггер в это время был членом НСДАП). Это действительно поворот-отказ от задачи создания философии как строгой науки, но он, конечно, «внешний», как бы ни толковать сам «жизненный мир», и обусловлен обстоятельствами бытия, а не признанием, что «ноэватическое» сознание невозможно. Наоборот, развитие науки, ее переход = «ноэзис» в неклассическую фазу в это время как раз его порождает в/из самой действительности.

Мы тоже вернемся к проблемам философии как точной науки и трансцендентальной монадологии как последнем образе феноменологической идеи. Гуссерль «подошел к», однако не знал, не произнес волшебного слова, которым легко разрешаются все его затруднения с объяснением феномена интерсубъективности. Это слово — *коммуникация*. Коммуникация — то, что связывает в одно целое множество разных элементов. Это про(воз)бужденная, активизированная, пульсирующая, туда-сюда передающаяся, о-кликнутая и «кликающая» информация, ее «живая», функциональная ипостась. Коммуникация — антропологизированное состояние информации, через которое она субъективируется, открывается человеку, делается ближе ему. Хотя в сущности это одно и то же. В информационном мире коммуникация больше не рассматривается как средство связи между вещами, телами и субъектами, т.е. способ передачи содержания. Она онтологизируется: *media is message* — объявил в конце XX в. М. Маклюэн. *Место Бога* или *материум* (самое слабое, требующее веры, место в

«староевропейской» метафизической философии), место кантовской трансцендентальной и гуссерлевской *аналогизирующей апперцепции и интерсубъективного сознания* (самое слабое, требующее веры, место в обосновании трансцендентализма и феноменологии) отныне занимает коммуникация. В информационном мире она воспринимается аксиоматически, как воздух, которым мы дышим — не требует дальнейшего обоснования. В информационном мире она бытийствует.

Гуссерль «подошел к», однако не знал, не произнес другого волшебного слова, которое становится на место монад. Это слово — *агент*. Или концепт, сингулярность. Агенты-концепты-сингулярности активны, но не обременены «внутренним», то есть субъектны без субъективности, они функции резидента, а резидент является агентом другого резидента и все вместе они образуют действительное «переплетение интенциональностей» — *Сеть*. Это третье волшебное слово, которое Гуссерль характеризовал как переплетение (можно бы перевести как «паутина»), но не произнес. Личности, жившие в обществе, превращаются в агентов, блоггеров, (не)живущих в интенциональной паутине =сети. *Сеть*, *Интернет*, *интелнет*, что это как не переплетение артикулированных через агента значений и смыслов сознания! Агенты могут быть живыми, не живыми, действительными, возможными. Взаимодействуют они в сети не в силу предустановленной гармонии, а интенционально, направленно. Куда и как — определяется его *программой* — следующее волшебное слово, аналог перво-монады, которого тогда тоже еще не было. Про-грамма — «порядок письма», чередования следов и различий, бит информации. Она задает тип и способы, организует и запускает процесс взаимодействия монад-агентов. Принцип универсально (за)программированного перво-монадой мира: *It from bit* (все из бита). Программа программ — Матрица. Бывшее яйцо, архе, Бог информационной эры. Онтология коммуникации, концепты, сеть, программа, матрица, априори коммуникации К.-О. Апеля, трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза и много, много других неслыханных в метафизике слов, генетически коренятся в идеях, подходах, описаниях и набросках трансценденталистского направления феноменологического движения в философии. Все они нашли свое оправдание в развитии науки второй половины XX в., времени создания теории информации, коммуникации и виртуальности. *Трансцендентальная феноменология* — это философия когнитивной информационно-коммуникационной революции, эпохи становления постмодерна.

Как и положено философии, выполняющей свое культурно-историческое предназначение, она ее мировоззренчески предвосхитила. *Пред-(не)видела*. Что является заслугой прежде всего Гуссерля. На главный вопрос философии «что есть бытие?» всеми своими идеями он отвечал: «существовать — значит быть возможным»⁵. То есть решал его в пользу потенциализма и виртуализма, в конечном счете, небытия, меонизма, ибо бесконечным числом возможностей обладает Ничто. Бытие — это ничто, а ничто как потенция, как возможное — это «недобытие», (не)бытие), инобытие, **бытие** = феномен, статусом которого в настоящее время обладают виртуальные реальности и которые постепенно, предварительно зачеркнув, водворяются на место нашего Бытия, Sein и Dasein, превращая его в Ничто, а сами предстают как субстанция и «подлинное Бытие». Даже стиль Гуссерля, с точки зрения традиционной логики и бинарного мышления, нестрогий, переплетающийся, «плывущий» (Марсель Пруст в философии) нередко самоотрицательный, похожий на клубок шерстяной пряжи с оборванными концами и новыми началами, является своеобразным первым приближением к гипертексту и сетевому мышлению. Его бессознательное сознание интуитивно предчувствовало децентрированную рациональность, ориентированную на узлы и точки пересечения отношений, хотя еще на живой, «естественной» основе, что технически впоследствии

воплотится в Интернете. Опережая время, он, тем не менее, недостаточно оторвался от предметной действительности и, вступив в неклассическую эпоху, шел в/по ней к свету в темноте, ощупью, пробуя и испытывая возможные линии развития в разных направлениях. Хотя в гуссерлевской модели мира фактически открытое им информационное бытие выдается за бытие как таковое, вбирая в себя любые его формы, это коварство невинное, самообман, ибо непосредственно новой реальности еще не было. Постчеловеческий мир симулякров и виртуализма едва брезжил. Даже сейчас, вместо того, чтобы признать условием трансцендентальности современной когнитивной науки объективный характер техно-информационной коммуникации, ее пытаются объяснять общезначимостью интерсубъективного общения живых людей⁶. Проповедуя смерть, теоретически, тем более, практически, сами раствориться и умереть когнитивисты не хотят. Явная непоследовательность. Сознательную борьбу с традиционным бытием и бытием вообще повели другие поколения идеологов информационной революции, провоз(буре)вестники ее перерастания в высшую «позитивную» фазу как становления бытия иного. Теорией этого процесса можно считать *Трансмодернизм*, в котором когнитивные пред-посылки постчеловеческого мира стали его послылками. Фундаментом (не)нашего *Инобытия*.

Список литературы:

1. Борисов Е.В. Проблема интерсубъективности в феноменологии Гуссерля // Логос. 1999. № 1.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 214.
3. Павленко А.Н. Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной? // Вопросы философии. 2009. № 11.
4. Савин Э.А. Генезис трансцендентальной монадологии в работах «позднего» Гуссерля // Вопросы философии. 2009. № 8.
5. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М., 2009.
6. Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. М., 1994.

⁵ См.: Husserl E. *Husserliana*. 1950. Bd. 3. S. 104. В последнее время гуссерлеведение развивается в направлении сближения с аналитической философией, но весьма робко, у нас пока эпигонски, да и вообще это только внутрифилософский тренд. Его можно считать проявлением приближения к трактовке трансцендентальной феноменологии как предтечи структурализма и информатизма.

⁶ См., напр.: статьи в разделе: «Интерсубъективная возможность онтологии науки» // Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. Или: в статье А.Н. Павленко «Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной?» (Вопросы философии. 2009. № 11) социально-техническая природа интерсубъективной парадигмы говорит о себе прямо терминологически, в заголовке, однако ее влияние объясняется позитивистски, критикуется она за «неустрашимый логико-эпистемологический изъясн». Проблемы социологии науки, социальные теории познания разрабатываются, но видимо, в «другом отделе», за стенкой. Ее же не пройдеши.